26 АПР 1980
Ленинская смена
г. Алма-Ата

Групповой портрет

ОЧЕРК О ТЕАТРЕ, С АКТЕРАМИ И НЛО

В ПОЛНЕ можно сделать такой портрет: в кадре все актеры Семипалатинского государственного русского драматического театра имени Ф. М. Достоевского. По лицам вы поймете, что театр молод.

В центре будут, как водится, главный режиссер — заслуженный деятель искусств Казахской ССР В. Мажурин, режиссеры А. Ишенко и В. Литвинов, директор В. Коротков.

На заднем плане портреты обязательно поместятся символы — самые характерные детали оформления репертуарных спектаклей. Главный художник Л. Бородавко старается очистить сцену от бытовых подробностей, оставляя то, что помогает выявлению идеи спектакля, чувственности среды — образа—установки.

И не стесняется сразу вынуть ретушера в том, что вы не видите «НЛО». Они существуют, это мы их не умеем наблюдать.

«НЛО» — не только основной спектакль, который готовится в театре на выпуск. И Мажурин, выполняющий обязанности главного режиссера — это то, что мы может быть в каждом из нас в спокойном, на вид сытом, но в ожидании своего времени, настоящем, сонном не бодрствующем, или может пятнадцать. Оно отыскает нас раз от этих наблюдателей первоочередной важности, с которыми каждый должен разобраться еще в ранней молодости: однажды и на всю оставшуюся жизнь. Совесть, честь, искренность, верность...

Какой чепухой кажутся сообщения об НЛО, тайных Бермудского треугольника, одного человека, которые звучат по ходу спектакля, рядом с тем, что на сцене. А на сцене все почти по 66-му сонету Шекспира: отчаяние, смятение чувств и еще — потеря друга. И это страшно, потому что место и время действия — не иная планета, не океан или отгорная пустыня, а наша жизнь. И в этом — разгадка «НЛО».

Театр считает «маленькой копией мира»: как бы ни говорили — об актерах — особо, о режиссере и режиссуре — особо, о зрителе — особо. Но в этом мире, иногда пойдет речь и о своем «неопознанном», и о своих проблемах, о своих какой-то степени «НЛО»...

Итак, в чем «НЛО». Нет случайно оказывается в театре людей: все они — актеры-выполнители главного режиссера, не побоялись оставить сцены других театров, когда есть лет шесть назад Мажурин стал вернулся в Семипалатинск (прежде он был очередным режиссером). Если только называть города, на которых потрудился актер, — это будет «своему» режиссеру, станет ясно, что прежде всего в их жизни — творчество: Днепропетровск, Орел, Новосибирск, Ташкент, Благовещенск. Не пустяки были оставлены без колебаний.

Пожалуй, только Герберт Кристель, заслуженный артист Казахской ССР, так и играл на семипалатинской сцене.

Кристель, ученик режиссера-педагога Ленинградского телевидения, много играет, пишет инсценировки, стихи. Его сценарий зонгов Бертольда Брехта звучат в спектакле «Страх и отчаяние третьей империи» (режиссер В. Юрковский), который театр показывал в этом году по программе «Жигера». Эпиграф — слова Карла Маркса — можно, пожалуй, считать главной программой всей работы театра: дело не в том, чтобы объяснить мир, а в том, чтобы его изменить.

Казалось бы, что может изменить, чем герой пьесы В. Вампилова «Утиная охота» Виктор Гусев, чуть не пошедшее в себя, вдруг — Зилова и спасение, — в ожидании пятнадцать лет. Такое толкование стало устойчивым и в самой пьесе, которую поставил в Ленинграде Г. Товстоногов, где уже ранее участие зрителя во судьбе Зилова в результате его ожидания, — в ожидании пятнадцать лет — становится вся жизнь и в каждом действующем лицом обратно, на его вторжение, время.

Владислав Жигерев играет Зилова — в ожидании. Нет, не ожидает он «перемещения», просто дерзкие Зилова и не может быть: ему — ожидание. И два героя — ожидание — встретятся. Дерзкие — ожидание — встретятся. Что, дерзкие, спорить. Человечество в нем глубоко — ожидание — ожидание — ожидание. Ожидание — ожидание — ожидание —